ход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы: Монография. М., 2002.
15. *Андреева Г.М.* Атрибутивные процессы в условиях совместной деятельности // Общение и оптимизация совместной деятельности. М., 1987.
16. *Reimann H.* Kommunikationssysteme. Umrisse einer Soziologie der Vermittlungs und Mitteilungsprozesse. Tьbingen, 1968.

Эволюция социальных отношений в современном обществе

Антон ЧИЧКАНОВ – кандидат экономических наук, докторант кафедры социологии РАГС

Типология социальных отношений вытекает из типологии их субъектов – типологии интересов, которые эти субъекты преследуют, и задач, которые они (субъекты) при этом решают. Главным совокупным субъектом социальных отношений является **общество** как собрание людей, вступающих между собой во взаимодействие – отношения социального обмена (материальными и нематериальными объектами) – ради защиты, обеспечения и повышения уровня и качества своей жизнедеятельности. Этот фундаментальный тип социальных отношений подразумевает социальные институты, охраняющие **равные права людей** в условиях социального обмена.

Данная институциональная норма тотальна, и ни один институт, в том числе институт государственного управления, не может быть исключением из нее. Отсюда следует фундаментальное для социальных отношений, развивающихся на принципах социального обмена, требование **демократии**, суть которого в том, что управление любого уровня призвано **обслуживать** интересы отношений социального обмена. А это, в конечном счете, – интересы **человека по защите, обеспечению и повышению уровня и качества своей жизнедеятельности.**

Власть как подчинение одними людьми других трансформирует отношения между **субъектами** – равноправными суверенными личностями – в отношения между **субъектами** власти и **объектами** властного подчинения. В отличие от субъектно-субъектных отношений социального обмена субъектно-объектные отношения власти действуют в интересах только одной стороны – субъектов власти, тем самым подчиняя интересам власти всю систему социальных отношений и, соответственно, разрушая фундаментальный интерес общества, заключающийся в защите, обеспечении и повышении уровня и качества человеческой жизнедеятельности.

При этом особые привилегии приобретают субъекты власти, представляющие государственное управление. Государство как привилегированный субъект власти, естественно, превращает в свои **объекты** все другие субъекты социальных отношений, выстраивая таким образом институты тоталитарного, этатистского общества, в котором фактически не государство обслуживает социальные интересы человека, а человек обслуживает властные интересы государства.

Отношения социальной справедливости, строго соблюдая принцип равноправия всех своих субъектов, выполняют задачу улучшения качества человеческой жизнедеятельности, в этатистской общественной системе пропагандируется справедливость государственной власти. Большинство опрошенных в ходе мониторинга «Народ и власть в совре-

Таблица. Мнения о реализации принципов социальной справедливости в российском обществе, %.

Варианты мнений	2003 г.	2006 г.	2007 г.
Социальные различия в нашей стране в целом справедливы	12,4	15,9	12,8
Социальные различия в нашей стране в целом несправедливы	78,7	74,1	77,6
Затруднились ответить	8,9	10,0	9,6

менной России», проведенного Социологическим центром РАГС в 2003 – 2007 гг. по общероссийской репрезентативной выборке, считают, что социальные различия в нашей стране в целом несправедливы (см. Таблицу).

История социальных отношений знает два их основных типа – **демократический** и **автократический**, которые отвечают соответствующим типам социальной справедливости и политической системы. Демократический тип социальных отношений – это отношения социального обмена (материальными и нематериальными объектами) между равноправными субъектами (не ущемляющими субъектный суверенитет друг друга). Автократический тип социальных отношений – отношения власти одних людей (суверенных субъектов) над другими людьми (объектами власти).

Демократизацию социальных отношений констатирует один из видных современных теоретиков управления П. Дракер, который, называя ее «организационно-управленческой революцией», пишет: «… определение понятия "руководитель, начальник, менеджер" традиционно звучит так: "человек, отвечающий за работу своих подчиненных"». То есть начальник – это «шеф», а управление – высокая должность, власть. Видимо, и по сей день многие, когда говорят о «начальниках», «управлении» и «руководстве», имеют в виду именно это. Но к началу 50-х годов содержание понятия «руководитель» изменилось, оно стало означать «человек, отвечающий за эффективность и результаты работы коллектива». Сегодня мы понимаем, что и это определение слишком узко, а адекватным следует считать следующее: «человек, отвечающий за применение и эффективность знания» [1].

Таким образом, согласно П. Дракеру, на протяжении последних десятилетий происходит эволюция автократического типа социальных отношений в демократический тип, когда люди перестают быть **объектами** управления и когда, следовательно, социальные отношения становятся **субъектно-субъектными** во всех своих подсистемах – экономической (рыночном секторе), общественной (общественных организациях), государственного управления.

Субъектно-субъектные социальные отношения по определению «горизонтальные», в которых стороны, не позволяющие ущемлять свой субъектный суверенитет, вынуждены **договариваться**, приходить к компромиссу и согласию, формируя социальную среду с пониженным уровнем напряженности, конфронтации, агрессии.

Потребовалось принципиально новое управление – не как «власть людей над людьми», а как решение интеллектуальных задач в условиях, когда субъектно-субъектные отношения сделали социальную среду в высокой степени изменчивой, творческой, конкурентной, резко усложнив управленческие задачи.

Известный социолог О. Тоффлер еще в 1972 г. предсказал нарастание мировой тенденции все более выраженного обнаружения социальными системами черт так называемой «адаптивной корпорации» – самоорганизующейся системы, неограниченно умножающей своих **субъектов** ради выживании в крайне изменчивой социальной среде, где приходится принимать быстрые, точные, опережающие (конкурентов) решения.

Об «интеллектуальном управлении» как основном сегодня стратегическом ресурсе «постматериального» общества, в отличие от традиционного «общества материальных активов», позволяющем «сделать компьютер из грязи», пишет также социолог П. Пильцер [2], разрабатывая идею П. Дракера,

О. Тоффлера, А.И. Ракитова, В.Л. Иноземцева, В.Н. Костюка и многих других исследователей **общества, основанного на знании.**

«Общество, основанное на знании» – это констатация ведущими социологами мира формирования на рубеже XX-XXI вв. **нового типа социальных (социально-экономических) отношений**, отвечающих приоритетам: субъектно-субъектных отношений перед субъектно-объектными отношениями; интеллектуального капитала (в том числе «интеллектуального управления») перед «материальными активами»; «постматериального» («постэкономического», постиндустриального) общества перед «материальным» (индустриальным) обществом; «экономики знаний» перед «сырьевой» экономикой.

В свою очередь, спрос на субъектно-субъектные системы в значительной мере связан, полагают многие исследователи [3], с современной релятивистской парадигмой социальных отношений, отвергающей всевозможные «абсолюты» (как ограничители субъектной суверенности) в пользу разнообразия и выбора.

Литература

1. *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В.Л. Иноземцева М., 1999. С.97.
2. *Pilzer P.* Unlimited wealth. The theory and practice of economic alchemy. N.Y., 1990.
3. *Fuenmayor R.* The historical meaning of present systems thinking // Syst. res. behav. sci. N.Y., 1997. P.235-248; *Macintyre A.A* Short history of ethics. N.Y., 1966; *Taylor Ch.* Modes of civil society. "Public culture" // Taylor Ch. Philosophical arguments. Cambridge, 1996; *Habermas J.* Justification and application. Cambridge, 1993; *Heath J.* The problem of foundationalism in Habermas's discourse ethics // Philosophy a. social criticism. Chestnut Hill, 1995. Vol. 21, № 1. P.77-100; *Борисенко В.В.* Рынок, мораль, договорная культура. М., 1998.

Инвестиционная привлекательность производственного потенциала региона

Лариса ЯКОВЛЕВА – аспирант кафедры экономики и государственного регулирования рыночного хозяйства РАГС

Задача определения инвестиционной привлекательности производственного потенциала России и ее региональных образований – субъектов Российской Федерации – рассматривается нами как частный случай решения проблемы устойчивого поступательного социально-экономического развития России в условиях трансформации.

Данный вопрос привлекает внимание как специалистов в области государственного регулирования, особенно региональных органов управления, так и российских предпринимателей – менеджеров, заинтересованных в расширении своего бизнеса. Однако теоретические подходы к решению этой проблемы не выработаны.

Прежде чем дать оценку эффективности региональной инвестиционной политики применительно к производственному потенциалу отдельного региона, остановимся на терминологии, связанной с понятием инвестиционной привлекательности. В отечественной литера-